
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Е.Ю. ЦУМАРОВА*

**ЧТОБЫ ЛЕГИТИМИРУЮЩИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
СРАБОТАЛ: РОЛЬ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УКРЕПЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(Рецензия)**

Рец. на кн.: Stewart K.L. Legitimizing nationalism. Political identity in Russia's ethnic republics. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2024. – 293 p.

Для цитирования: Цумарова Е.Ю. Чтобы легитимирующий национализм сработал: роль политики идентичности в укреплении политического режима в современной России (Рецензия) // Политическая наука. – 2025. – № 3. – С. 321–331. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.14>

В последнее время политическая идентичность становится все более популярным объектом как научных исследований, так и публичных обсуждений. Высказывания и действия политиков и обычных людей зачастую оцениваются через призму их идентичности, которая рассматривается как нечто сконструированное и подверженное внешнему влиянию и трансформации. Особенно актуальной эта проблематика представляется в российском кон-

* Цумарова Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований ФМОПИ СЗИУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: tsumarova@gmail.com

© Цумарова Е.Ю., 2025

DOI: 10.31249/poln/2025.03.14

тексте, где защита традиционных ценностей и особой цивилизационной идентичности провозглашена в качестве одной из важнейших задач политического руководства страны¹.

В течение последних десяти лет в свет вышло достаточно большое количество монографий и научных статей, в которых анализируется политика идентичности в России при Владимире Путине [Sharafutdinova, 2020], а также влияние проводимой государством политики, направленной на укрепление патриотических чувств [Greene, Robertson, 2022]. Отдельное внимание уделяется политике идентичности и связанной с ней политике памяти в российских регионах [Цумарова, 2015; Yusupova, 2018; Политика памяти в России..., 2023].

Рецензируемая книга Кэти Л. Стюарт объединяет все три оптики рассмотрения политической идентичности в России. С одной стороны, в фокусе внимания автора находится то, что Чарльз Тилли называл управляемым государством национализмом [Tilly, 1994]. К. Стюарт довольно подробно описывает трансформацию политики идентичности в постсоветской России: от идеи нации как согражданства при Б. Ельцине до представления о России как государстве-цивилизации с русским культурным ядром при В. Путине. С другой стороны, она обращается к региональному уровню управления и анализирует то, как региональные власти в трех национальных республиках (Бурятия, Карелии и Татарстане) воспринимают, адаптируют и / или трансформируют официальный нарратив. Наконец, она также рассматривает эффекты проводимой политики идентичности, основываясь на массовом опросе жителей изучаемых регионов. Все это позволяет К. Стюарт представить достаточно объемную картину региональных стратегий национального строительства, а также восприятия национальной идентичности «обычными людьми» и условий трансформации национальных чувств в конкретные политические действия (с. 16).

Отправной точкой монографии является тезис о том, что, несмотря на высокий уровень централизации, национальное строительство в России по-разному «работает» в различных региональных контекстах. Национальный нарратив, воспринимаемый россиянами, проходит своего рода региональный фильтр, который адаптирует поступающие из Центра слова и смыслы к региональным особенностям.

¹ Путин назвал защиту традиционных ценностей важнейшим условием суверенитета // ТАСС. – 24 апреля 2024. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/20632937> (дата посещения: 28.03.2025).

Соответственно, национальное строительство К. Стюарт рассматривает как двухуровневый процесс, осуществляемый одновременно на общенациональном и региональном уровне. Основное внимание при этом К. Стюарт сосредоточивает на региональном уровне, задаваясь вопросом о том, до каких пределов Кремль может использовать национальное строительство для укрепления своей легитимности в условиях закрытого, полиэтнического государства, и как именно элиты национальных республик транслируют и адаптируют национальный нарратив к локальному контексту (с. 7–8).

Отталкиваясь от тезиса о том, что воспринимаемые / разделяемые российскими гражданами национальные нарративы усиливают легитимность режима и продлевают время его существования, автор формулирует концепцию легитимирующего национализма. Под ним она понимает не столько «усиление чувства принадлежности и гордости за российскую нацию», сколько признание власти В. Путина как защитника и промоутера национального сообщества (с. 7). Другими словами, легитимирующий национализм рассматривается как один из инструментов сохранения политического режима, позволяющий усилить связь между людьми и государством.

Первая глава монографии посвящена детальному описанию теоретической оптики, лежащей в основе исследования. Как уже было отмечено, ключевым понятием книги является концепция легитимирующего национализма. Еще Дж. Бройи писал о том, что легитимация является одной из важнейших функций националистических идей, используемых всеми государствами [Breuilly, 1993]. Однако для государств с закрытыми политическими системами контроль над национальным нарративом, а соответственно, и над чувствами и мыслями людей, имеет более важное значение. Именно поэтому, как показывает К. Стюарт, лидеры недемократических государств уделяют особое внимание национализму как консервативной силе, способной поддерживать легитимность режима между выборами (с. 28). При этом зачастую им приходится лавировать между разными акторами, также апеллирующими к национальным чувствам, для закрепления своего доминирующего положения. В частности, К. Стюарт отмечает, что в российском официальном дискурсе «правильный» национализм используется как синоним патриотизма, тогда как любые попытки использовать националистическую риторику в противоречащем государству русле рассматриваются как проявления экстремизма (с. 28).

Инструментами легитимирующего национализма К. Стюарт называет достаточно конвенциональный набор практик политики идентичности: дискурсивное конструирование образа «мы-сообщества», образование, символическое оформление нации и формирование исторического нарратива (с. 31–33). При этом автор формулирует важный, на мой взгляд, тезис: чтобы поддерживать легитимность режима, транслируемые из Центра национальные нарративы не обязательно должны разделяться всеми жителями страны, но они должны разделяться *достаточным* (курсив наш. – *Прим. авт.*) количеством людей (с. 33).

Вместе с тем рассмотрение национального строительства как двухуровневого процесса подразумевает участие региональных акторов в реализации политики идентичности. Теоретически региональные акторы могут либо проводить комплиментарную федеральному центру политику идентичности, либо оспаривать ее (см. также: [Цумарова, 2015]) в зависимости от наличия сильного лидера, опыта утраты автономии, силы внутригрупповых (этнических) связей и наличия реального / воспринимаемого экономического неравенства между представителями разных этнических групп внутри региона (с. 39). Все вместе это ограничивает возможности легитимирующего национализма, так как центральная власть должна учитывать интересы различных групп и использовать разные стратегии в зависимости от регионального контекста (с. 12–13). Особенное значение это приобретает в российских условиях, где, как отмечает К. Стюарт, Кремль не может внедрять символы и выстраивать границы национального сообщества по своему усмотрению и вынужден лавировать между радикальными русскими националистами, с одной стороны, и этническими меньшинствами, главным образом – «титульными» группами в национальных республиках, – с другой (с. 7).

Реализация национального проекта на региональном уровне, по мнению К. Стюарт, может осуществляться на основе четырех стратегий: адаптивной, ассимиляционной, эксклюзивной и инклюзивной. *Адаптивная* стратегия предполагает сохранение культурных особенностей этнических / национальных меньшинств путем предоставления им особых институтов без включения их в образ нации. *Ассимиляционная* стратегия направлена на стирание культурных отличий и присоединение меньшинств к культуре большинства. *Эксклюзивная* стратегия исключает из числа членов нации тех, кто не принадлежит к доминирующей группе, и часто сопровождается сегрегацией и насильственной миграцией. Напротив, *инклю-*

живная стратегия включает в образ нации элементы множества этнических культур, создавая гибридную национальную идентичность.

Выбор стратегии, как показывает автор, обуславливают следующие факторы: (1) наличие внутри региона политической воли о продвижении более инклюзивной идентичности, (2) переговорная сила региона, (3) распространение региональной идентичности за пределами региона и (4) уровень угроз, исходящих от региона по отношению к центру (с. 41–42). Так, например, общенациональный нарратив может стать более инклюзивным в случае требований со стороны региона с сильной региональной идентичностью и высоким переговорным потенциалом в случае, если федеральный центр также рассматривает этот регион как важный элемент сохранения власти и легитимности (с. 43).

Апробирование сформулированной теоретической рамки осуществлялось в трех национальных республиках, различающихся этнической композицией¹: Татарстане, Карелии и Бурятии, которым, по мнению автора, предположительно соответствуют стратегии инклюзивности, ассимиляции и адаптации. Для ответа на вопрос, как региональные институты и элиты этих республик транслируют официальный нарратив, К. Стюарт использовала комбинацию качественных и количественных методов, включая массовый опрос, экспертные интервью, включенное наблюдение на общенациональных и региональных праздниках², анализ мемориального пространства региональных столиц, музейных нарративов, а также школьных учебников региональной истории и материалов региональных СМИ. Стоит подчеркнуть, что основная эмпирическая база охватывает период с 2014 по 2017 год, что, безусловно, накладывает отпечаток на полученные результаты. Хотя К. Стюарт предпринимает попытки расширения контекста, включая в описание федеральных практик и события последних трех лет, ее экстраполяция полученных результатов на региональный уровень выглядит несколько проблематичной.

Пожалуй, наиболее любопытные результаты исследования представлены во второй главе, посвященной анализу эффективно-

¹ Под этнической композицией автор имеет в виду соотношение долей титульного и этнически русского населения.

² Автор фокусировалась на практиках празднования Дня Победы и Дня народного единства, а также рассматривала региональные политические (День Республики) и культурные праздничные даты.

сти легитимирующего национализма. Основываясь на результатах опроса¹, К. Стюарт оценивает результативность различных инструментов политики идентичности. При этом автора интересует не только то, насколько часто люди идентифицируют себя со всей нацией, ощущают гордость за нее, участвуют в общенациональных праздничных мероприятиях, но и оценка гражданами деятельности правительства и готовность голосовать за партию власти («Единую Россию»). Другими словами, автор оценивает и эмоциональный, и инструментальный компонент идентичности [Keating, 1998].

В целом полученные результаты демонстрируют эффективность предпринимаемых В. Путиным усилий по формированию нации, а значит, и по обеспечению собственной легитимности и сохранению власти. Подавляющее большинство респондентов отметило, что идентифицируют себя как граждане России (87,8%) и испытывают гордость за свое гражданство (85,4%). При этом главным объединяющим компонентом российской идентичности опрошенные назвали родную землю (*native land*), и только затем правительство, место жительства, прошлое и язык (с. 60). Именно поэтому, по мнению К. Стюарт, призывы к защите родины находят большой отклик у россиян и способствуют их мобилизации.

Среди наиболее значимых механизмов национализма К. Стюарт отмечает СМИ (особенно телевидение) как способ распространения официального нарратива, общенациональные и региональные праздники. Так, вполне ожидаемо оказалось, что люди, которые участвуют в официальных праздничных мероприятиях и регулярно слушают выступления президента, гораздо чаще идентифицируют себя с российской нацией и гордятся ей (с. 65–67). Кроме того, такие люди выше оценивают деятельность правительства и заявляют о готовности голосовать за «Единую Россию» (с. 69). В то же время посещение музеев и региональных культурных мероприятий, напротив, значительно снижает чувство принадлежности как к российской нации в целом, так и к региону проживания.

При этом результаты показали неоднозначную роль этнического фактора в формировании идентичности. Принадлежность к России выше у этнических русских, тогда как представители этнических меньшинств в меньшей степени идентифицируют себя с

¹ Опрос проводился в трех изучаемых национальных республиках (Бурятия, Карелии и Татарстане), а также в трех соседних с ними регионах (Мурманской, Самарской и Иркутской областях).

российской нацией, что рассматривается К. Стюарт как потенциальный ресурс для оспаривания национального нарратива и конфликта с центром. В частности, в Татарстане этнические татары, составляющие большинство населения, демонстрируют гораздо более сильное чувство принадлежности к республике, чем к России в целом. При этом в Карелии и Бурятии роль этничности в выстраивании иерархии идентичностей оказалась статистически незначимой (с. 77–78): представители и титульных групп, и русские демонстрируют схожий уровень принадлежности как к региону, так и нации в целом.

Более детальный анализ стратегий национального строительства в республиках представлен во второй части монографии, где автор последовательно описывает и анализирует символическое пространство региональных столиц (гл. 3), практики коллективных мероприятий (гл. 4), экспозиции региональных музеев (гл. 5) и нарративы учебников истории (гл. 6). При этом каждая глава сопровождается сопоставлением региональных практик с официальным дискурсом¹, что позволяет определить стратегию республиканских акторов в реализации национального проекта. Для того чтобы оставить читателям возможность самостоятельно погрузиться в богатый эмпирический материал, я не буду подробно останавливаться на описании региональных практик, ограничусь лишь общими выводами.

Так, К. Стюарт приходит к заключению о том, что власти Карелии и Бурятии используют элементы стратегий *ассимиляции* и *адаптации*. И в том и в другом случае региональные власти демонстрируют слабую переговорную силу в отношениях с центром. Автор не дает четкую операционализацию переговорной силе, но представляется, что она включает в себя разнообразные ресурсы, которые может использовать регион в рамках торга. К. Стюарт подчеркивает отсутствие таких ресурсов для давления на федеральный центр у обеих республик: в Карелии она отмечает незначительную долю этнических карел как в самой республике, так и за ее пределами, а слабость Бурятии объясняет экономическими проблемами. Интересно, что экономическая зависимость Карелии от федеральных субсидий осталась не отмеченной автором.

¹ К федеральным практикам К. Стюарт относит те, которые исходят от или происходят при активном участии Президента. Поэтому зачастую «полем» такой деятельности в тексте выступает Москва.

При сходстве реализуемых стратегий, их воплощение в публичном пространстве отличается. Так, республиканские власти в Карелии преимущественно воспроизводят федеральный нарратив, дополняя его региональной спецификой, что проявляется, в частности, в установке мемориалов жертвам финской оккупации во время Великой Отечественной войны. Исключением, по мнению автора, является День Калевалы, во время празднования которого подчеркивается уникальная идентичность карел и их связь с Финляндией. При этом К. Стюарт отмечает, что даже обращение к региональным особенностям (связям с финской культурой и северной идентичностью) не оспаривает тесную связь и принадлежность Карелии к российскому государству и единой нации.

В то же время власти Бурятии также во многом следуют федеральным нарративам и практикам, привнося при этом больше региональных (этнических и религиозных) особенностей. Например, в мемориальном пространстве Улан-Удэ представлено больше памятников, связанных с революцией 1917 г. и Гражданской войной, чем в других региональных столицах (с. 102). Другие исторические события, в частности присоединение Бурятии к России, публично не проблематизируются, хотя школьные учебники представляют его скорее в негативном ключе. А включение в региональный календарь буддистского праздника Сагаалган наряду с православными позволяет адаптировать региональные особенности к общенациональному нарративу. В то же время К. Стюарт отмечает больший по сравнению с Карелией потенциал оспаривания центрального нарратива за счет этнической композиции и большего культурного разрыва между бурятами и русскими.

Наконец, Татарстан демонстрирует сочетание стратегий *адаптации* и *инклюзивности*. Богатый регион, обладающий значимой переговорной силой и представляющий вторую по численности этническую группу в России, уже имел успешный опыт торга с федеральным центром за предоставление особых полномочий. После прихода к власти В. Путина ситуация несколько изменилась, однако и сейчас, как показывает К. Стюарт, используемые региональными акторами практики адаптации направлены на подчеркивание и продвижение идеи суверенности Татарстана, его роли как защитника всех татар. В частности, эти идеи представлены в региональных музеях, прослеживаются в выступлениях региональных лидеров. Символическое пространство Казани наполнено также деятелями татарской культуры, часть из которых включена и в общенациональный пантеон, что свидетельствует об инклю-

живности реализуемой в республике стратегии национального строительства. При этом наиболее проблемным представляется распространяемый в Татарстане исторический нарратив: взятие Казани Иваном Грозным в региональных учебниках ожидаемо рассматривается в негативном ключе. Все вместе, по мнению автора, это является основой для потенциального конфликта с федеральным центром.

Монография К. Стюарт вносит значимый вклад в исследования политики идентичности в России, комбинируя анализ федеральных практик с их региональной реализацией и индивидуальным восприятием. В то же время исследование не лишено недочетов, связанных именно с комплексностью выбранного автором подхода. В частности, не всегда в тексте понятно разграничение федеральных и региональных проектов национального строительства. С одной стороны, тезис о том, что региональные власти участвуют в реализации национального проекта и могут адаптировать его под локальный контекст, выглядит очень понятным. С другой стороны, возникает вопрос, не будет ли точнее говорить о том, что политические акторы в регионах формируют региональную идентичность, встраивая / адаптируя или, напротив, отдаляя образ регионального сообщества от транслируемого с центра образа нации?

Некоторое смещение федеральных и региональных национальных проектов отразилось и на сформулированных К. Стюарт стратегиях. Если первые три типа – ассимиляция, адаптация и эксклюзивная стратегия – действительно могут быть воплощены на региональном уровне именно в рамках реализации общенационального нарратива, то последний тип – инклюзивный – как представляется, больше описывает особенности формирования образа нации в центре, а не в регионах. Это отчасти подтверждается и при описании случая Татарстана: автор подчеркивает, что некоторые культурные деятели республики включены и в общенациональный символический ландшафт. Вопрос о том, при каких обстоятельствах произошло такое включение, остался за рамками работы, но, следуя логике К. Стюарт, можно предположить, что это стало результатом давления со стороны региональных элит. Само по себе участие региональных акторов в формировании национального нарратива является интересным объектом исследования, но, как представляется, требует несколько иного методологического подхода.

Безусловно, книга К. Стюарт будет интересна всем, кто интересуется процессами национального строительства и символической политики в России. Автор предлагает интересный комплекс-

ный взгляд на особенности реализации национального проекта в российских республиках, приводит большое количество примеров, позволяющих увидеть разнообразие практик политики идентичности. Одновременно с этим монография задает новый вектор исследований, основанный на понимании комплексной природы национализма и его специфике в закрытых сложноустроенных обществах.

E.Yu. Tsumarova*

**Making legitimating nationalism work. Role of identity politics
in enhancing the political regime in contemporary Russia
(Review)**

For citation: Tsumarova E. Yu. Making legitimating nationalism work. Role of identity politics in enhancing the political regime in contemporary Russia (Review). *Political science (RU)*. 2025, N 3, P. 321–331. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.14>

References

- Breuilly J. *Nationalism and the state*. Manchester: Manchester university press, 1993, 482 p.
- Greene S.A., Robertson G. Affect and autocracy: emotions and attitudes in Russia after Crimea. *Perspectives on politics*. 2022, N 20 (1), P. 38–52.
- Keating M. *The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 1998, 242 p.
- Miller A., Malinova O., Efremenko D. (eds). *Memory politics in Russia: regional dimension*. Moscow: Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of sciences, 2023, 471 p. (In Russ.)
- Sharafutdinova G. *The red mirror: Putin's leadership and Russia's insecure identity*. Oxford: Oxford university press, 2020, 254 p.
- Tilly Ch. States and nationalism in Europe 1492–1992. *Theory and society*. 1994, Vol. 23, N 1, P. 131–146
- Tsumarova E. Unity in diversity, or how Russian regions can maintain themselves and strengthen Russia. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i culture*. 2015, N 5, P. 57–66. (In Russ.)
- Yusupova G. Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia. *Nations and nationalism*. 2018, N 24 (3), P. 624–647.

* **Tsumarova Elena**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia), e-mail: tsumarova@gmail.com

Литература на русском языке

Политика памяти в России: региональное измерение : коллективная монография / под ред. А. Миллера, О. Малиновой, Д. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2023. – 471 с.

Цумарова Е. Единство в разнообразии, или как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию // Неприкосновенный запас. Дебаты о культуре и политике. – 2015. – № 5. – С. 57–66.